

Генрих IV

Автор:

Кондратий Биркин

Генрих IV

Кондратий Биркин

Временщики и фаворитки

«Если читателю угодно иметь самое верное понятие об изменчивом и разнообразном образе правления, установившемся во Франции с 1789 года, ему стоит только представить себе стенной барометр с циферблатом, на котором слова: великая сушь, ясно, переменно, буря заменены символами республики, империи, королевской власти деспотической и ее же конституционной, – фригийский колпак и красное знамя; орел и знамена трехцветные; петух и белое знамя с лилиями, – опять трехцветные знамена и скрижали конституционной хартии...»

Кондратий Петрович Биркин

Генрих IV

Госпожа де Сов. – Фоссеза. – Прекрасная Коризанда. – Габриэль д'Эстре. – Генриэтта д'Антраг. – Шарлотта Конде

(1573–1610)

Любовь есть страсть, которой все прочие обязаны повиновением.[1 - «L'amour est une passion a laquelle toutes les autres doivent obeissance». Слова Генриха IV в письме к елизавете Английской от 26 октября 1596 года.]

Если читателю угодно иметь самое верное понятие об изменчивом и разнообразном образе правления, установившемся во Франции с 1789 года, ему стоит только представить себе стенной барометр с циферблатом, на котором слова: великая сушь, ясно, перемененно, буря заменены символами республики, империи, королевской власти деспотической и ее же конституционной, – фригийский колпак и красное знамя; орел и знамена трехцветные; петух и белое знамя с лилиями, – опять трехцветные знамена и скрижали конституционной хартии. Более или менее продолжительная остановка стрелки этого политического барометра (вместо ртути налитого не менее живую французской кровью) в прямой зависимости от терпения великой нации, а может быть, даже и от перемен погоды, судя по тому, откуда ветер подует. Устроен этот барометр около сотни лет тому назад, но, по-видимому, прослужит Франции еще многие лета. Роковая стрелка на республике – Франция поет «Марсельезу» и строит баррикады; с политической революционной бури стрелка переходит на хорошую погоду империи – и Франция в медвежьей шапке наполеоновского гвардейца грозит Европе, напевая: «l'astre des nuits» или «partant pour la Syrie».[2 - Первая песня – знаменитый марш времен первой империи; другая рапсодия – отпевавшей свою песенку второй.] Но вот наполеоновский орел (хотя и прирученный куском говядины в шляпе) мало-помалу становится для Франции прометеевским коршуном; он клюет ей печень, высасывает из нее самые лучшие соки – и барометр падает, стрелка показывает перемену. Действительно перемена – костюмов и декораций! Франция меняет орла на петуха, трехцветное знамя на белое, заветный N и золотых пчел – на золотые лилии и поет другую песню: «Vive Henri IV...» Надоедают ей, однако, и песня, и лилии, и петух, и белые знамена; видит Франция, что правление Бурбонов – видоизменение наполеоновского капральства, и добывает откуда-нибудь нового короля из запасной орлеанской династии; короля – либерала на словах, деспота на деле, и... после засухи деспотизма опять является буря на французском барометре.

Кроме знамен, гербов и символов, у каждого образа правления свой кумир. У легитимистов, любителей королевской власти во вкусе *renaissance*, три идола – вроде индийских Браммы, Вишну и Шивы; трое королей-волоки, к которым легитимисты питают религиозное благоговение, окружая их мишурными ореолами незаслуженного величия – Франциск I, Генрих IV и Людовик XIV. У каждого из этих трех кумиров своя фраза, если не бессмертная, то бессмысленная...

У Франциска I знаменитое: «Все пропало – кроме чести» (о чем мы уже говорили с читателем); у Людовика XIV: «Государство – я» (*l'etat – c'est moi*) и «Нет более Пиренеев» (*il n'y a plus de Pyrenees*); у Генриха IV, самого популярного из трех, – обещание курицы в суп беднейшему из своих подданных. Эту курицу ближе всего можно сравнить с газетной уткой; не дождался ее, да едва ли когда и дождет бедный холостяк, геральдический французский петух. Фраза Генриха IV превращается даже в ядовитую иронию, если вспомнить, что этот добрый король, осаждая Париж, морил его голодом. Хлеб, который он будто бы посылал осажденным, в воображении поэтов и льстецов историков. Ничего подобного не было; парижане во время осады с мая по сентябрь 1590 года вместо хлеба питались лепешками из толченого грифеля с примесью муки из костей скелетов, открытых на городских кладбищах (*pain de Madame de Montpensier*); падаль почиталась лакомством; до ста тысяч человек умерло от голоду и эпидемий; вследствие тления непогребенных трупов в Париже появились ядовитые змеи...[3 - См. *Journal de l'Etat de mai—septembre 1590. Du Laure. Histoire de Paris. Tome V, p. 78–104 (edition de 1823).*] Незлопамятный народ французский, позабыв о голоде, которым его морил Генрих IV, помнит только курицу, им обещанную; народ-фразер за красное или «жалостное» словцо прощает многое, и курица Генриха IV мила французам не менее наполеоновского орла, и король велик, бессмертен, незабвенен. В Генрихе каждый француз видит себя самого; Генрих – тип истого сына великой нации и вследствие этого – велик!

Немного же надобно, чтобы во Франции удостоиться титула великого. Мы, однако, не можем примирить величия с теми пороками, которыми природа оделила Генриха IV в пропорции бочки дегтю к ложке меду. Его двоекратное отречение от кальвинизма, трусость, нетвердость в слове, плутоватость в игре, чтобы не сказать – склонность к воровству, наконец, сластолюбие, доходившее до забвения достоинства и человеческого и королевского, – все эти свойства характера Генриха IV с истинным величием как-то плохо ладятся! А чтобы читатель не счел наши слова за клевету, укажем на факты, записанные историей.

Трусость Генриха доказывается не бегством его из Парижа, не прятками его во время Варфоломеевской резни – она обнаружилась в битве при Иври 14 марта 1590 года, когда на будущего победителя напал панический страх, почти лишивший его возможности держаться в седле. Ударяя себя кулаками под бока, Генрих твердил сквозь зубы, щелкавшие от лихорадки: «Вперед, вперед, поганый одер!» (*Avance, avance done, vilaine carcasse!*). Легко может быть, что и настоящие герои внутренне праздновали труса в сражениях, но только этого не

выказывали.

В нетвердости в слове Генриха уличают его письменные обещания любовницам Габриэли д'Эстре и Генриэтте д'Антраг жениться на них, чего, благодаря стараниям Сюлли, исполнено не было. Обольщать женщин подобными обещаниями неприлично даже какому-нибудь писарю или денщику, королю же, и тем более великому... странно!

Забавляясь карточной игрой, великий король не только плутовал, но – без околичности – крал чужие ставки со стола. Однажды, играя с Бассомпьером, Генрих подменил выигранную маршалом кучу пистолей таковою же, составленную из полупистолей. Заметив этот подлог, Бассомпьер выбросил весь свой выигрыш за окно стоявшим в карауле солдатам, заменив ее на игорном столе новой, из собственного кармана. Свидетельница этому Мария Медичи сказала Генриху: «Вы с маршалом поменялись ролями: он отлично представил короля, а вы – простого солдата!» Тому же Бассомпьеру, частому своему партнеру, король не один раз говаривал: «Хорошо, что я король, а то за мою нечистую игру быть бы мне давно на виселице!»

Это признание, конечно, делает честь откровенности Генриха IV, но сами плутни не делают ему чести... Снимите этого великого короля с плеч его живого пьедестала – истинно великого, благородного Сюлли, – и перед вами явится самый обыкновенный человек; но в этом-то и вся заслуга Генриха... Да, он был человеком на троне после двух демонов, Карла IX и Генриха III, руководимых достойной их матерью, Екатериной Медичи. Мученическая смерть Генриха от руки Равальяка, бесспорно, примиряет до известной степени с его жизнью, но кровь короля, во всяком случае, не может смыть многих грязных страниц истории его царствования. Именно об этих страницах мы и поговорим теперь; поговорим беспристрастно – не оправдывая, не обвиняя. Перед нами теперь Генрих IV – живой, но не умерщвленный Ра-вальяком и через сто восемьдесят три года (1793) не исторгнутый яростной чернью из своей могилы в Сен-Дени – страница неизгладимо позорная в истории французского народа!..

В моцартовском Дон-Жуане Лепорелло, перечисляя жертвы своего господина, развертывает саженный свиток, представляющий в итоге 1003 (milla e tre). Точно таким же – хотя и менее баснословным – списком приходится и нам начинать наш очерк сердечных подвигов державного французского Дон-Жуана. Пятьдесят шесть! – произносим мы голосом Лепорелло; имена же фавориток следующие.

1573–1576: 1) Шарлотта де Бон-Самблансе – госпожа де Сов – маркиза Нуармутье (Charlotte de Beaune Samblançay, dame de Sauve, marquise de Noirmoustier); 2) Жанна дю Монсо де Тигонвилль, впоследствии графиня Панжа (Jeanne du Monceaux de Tigonville, comtesse de Pangeas).

1578: 3) Дайэлла, фрейлина Екатерины Медичи, гречанка-киприотка; 4) в Ажене: Екатерина дю Люк; 5) Анна де Бальзак де Монтэрю (Anne de Balzac de Montaigu); 6) в Ажене: Ар-нольдина.

1579: 7) Мадемуазель де Ребур, 8) Флёретта, дочь садовника в Нераке, 9) Франциска де Монморанси-Фоссе (Franchise de Montmorency-Fosseux); 10) госпожа Спанд; 11) девица Марокен; 12) Ксента, горничная Маргариты Наваррской; 13) булочница в Сен-Жан; 14) госпожа де Петонвилль; 15) Бавересса; 16) девица Дюра; 17) Пикотен, булочница в По; 18) графиня Сен-Мегрен (Le Sain-Maigrin); 19) кормилица в Капель-Жалу; 20) две сестры де л'Эпсэ (De l'Epsee).

1582–1591: 21) Диана д'Андуэн, графиня Грамон, прозванная Прекрасною Коризандою (Diane d'Andouins, comtesse de Gramont, dite la belle Corisande); 22) Мартина; 23) Эсфирь Имбер (Imbert) в Ла-Рошели; 24) Антуанетта де Пон, маркиза Гершвилль, впоследствии графиня Лианкур (Antoinette de Pons, marquise de Guercheville, comtesse de Liancourt) с 1589 по 1590 год. Любовь платоническая и неудачная; 25) Екатерина де Верден – монахиня Лоншана, впоследствии аббатиса в Верноне; 26) Мария де Бовийе, аббатиса монастыря Монмартр; 27) Мария Бабу де ла Бурдэзьер, впоследствии виконтесса д'Этож, двоюродная сестра Габриэли д'Эстре.

1591–1599: 28) Габриэль д'Эстре – госпожа де Лианкур – маркиза Монсо – герцогиня де Бофор (Gabrielle d'Estree, dame de Liancourt, marquise de Monceaux, duchesse de Beaufort); 29) и 30) ее родные сестры: Юлиана Ипполита д'Эстре, маркиза, а впоследствии герцогиня Виллар, и Анжелика д'Эстре, аббатиса в Мобюиссоне; 31) госпожа де Монтобан; 32) Ла Гланде – куртизанка; 33) девица д'Аранкур; 34) девица де Сенант – из того же разряда.

1599–1610: 35) Генриэтта де Бальзак д'Антраг, маркиза де Вернейль (Henriette de Balzac d'Entragues marquise de Verneuil); 36) графиня Лиму; 37) Жаклина де Бейль, графиня Море (1604–1610); 38) госпожа Ланери; 39) госпожа Мопу; 40) Шарлотта Фулебон, впоследствии супруга Франциска Барбетьер-Шемеро; 41) куртизанка Бретолина; 42) герцогиня де Невер (неудача); 43) герцогиня

Монпансье (тоже); 44) Екатерина де Роган, герцогиня Цвейбриккенская (рассердилась на любезное предложение короля); 45) мадемуазель де Гиз, принцесса Конти, сочинительница памфлета «Возлюбленные великого Алякандра» (*Les amours du grand Alcandre*); 46) госпожа Клен или Келен, жена парламентского советника; 47) мамзель Фаннюш – уличная камелия; 48) супруга сборщика податей госпожа де Буанвилль; 49–53) госпожи: Аарссен, де Со, де Раньи, де Шанливо, Камю де Понкарре.

1604–1610: 54) Шарлотта дез'Эссар, графиня Ромартен;

55) Шарлотта Маргарита де Монморанси, принцесса Конде;

56) девица Полэ (Paulet).

Прибавив к этому числу первую супругу Генриха Маргариту Наваррскую, знаменитую королеву Марго – французскую Лукрецию Борджа, – получим 57: число лет жизни Генриха IV. На эту странность обращаем внимание охотников до каббалистических выкладок; пусть ради забавы присоединят эту роковую цифру к числам 4 и 14, игравшим такую важную роль в жизни родоначальника Бурбонской династии. [4 – В его имени (*Henri de Bourbon* – Г е н р и х Б у р б о н), как на русском, так и на французском языках—14 букв; он родился 13 декабря 1553 года (12-й месяц года, число: $1+3=4$; год: $1+5+5+3=14$). Первая его жена (*М а р г а р и т а В а л у а*) родилась 14 мая 1552 года. Варфоломеевская ночь с 23 на 24 августа 1572 года. (Это число делится на 4 без остатка.) Битва при Иври происходила 14 марта 1590 года. В именах: *J a c q u e s C l e m e n t* (убийца Генриха III), *M a r i e d e M e d i c i s* – по 14 букв. *Г а б р и э л ь д 'Э с т р е* умерла 8 апреля 1599 года: число 8 делится без остатка на 4, а сумма цифр всего года = 24. Брак Генриха с Марией Медичи – в 1600 году ($40 \times 40=1600$). Генрих был убит 14 мая 1610 года ($1+6+1=8$).]

Цифирные фокусы, конечно, очень занимательны; в них досужее суеверие может даже найти себе лакомую пищу, но мы, не останавливаясь на подобных пустяках, скажем несколько слов об иных цифрах, не каббалистических, но тем более заслуживающих внимания. С 1574 по 1610 год, в течение двадцати шести лет, у Генриха IV было пятьдесят шесть фавориток. Любопытно знать, во сколько обошлись Франции эти удовольствия? Не говорим о какой-нибудь горничной Ксенте или о мамзелях вроде Баверессы, Ла Гланде, Бретолины, Фаннюш и им подобных; на этих госпож и тогда, как теперь, была своя такса. Кроме куртизанок и горничных королю продавали ласки графини, виконтессы,

маркизы, принцессы, аббатисы, знавшие себе настоящую цену; мужа сводили его со своими женами, матери и отцы – с дочерьми. Не скупился король на золото, подарки; щедрился он на поместья, майораты, на чины и титулы, которыми награждал услужливых братьев, отцов и мужей, настоящих и подставных. Сумма всех этих щедрот может представить цифру весьма почтенную; данные же для составления этой суммы можно найти в записках Сюлли и во многих других мемуарах того времени.

Женитьба Генриха на Маргарите Валуа – дело адской политики Екатерины Медичи – породнила честный дом на-варрских Бурбонов с французским лупанаром. Умной Жанной д'Альбре (как мы видели) руководили расчет и надежда со временем видеть сына на французском престоле – честолюбие извинительное в доброй и нежной матери. Екатерина Медичи замышляла другое. Она, призывая гугенотов на брачное празднество короля наваррского, готовила им предательскую западню Варфоломеевской ночи; она оттачивала ножи и топоры убийц под звуки бальной музыки... Прологом кровавой трагедии были песни, пляски, а за ними – отравление Жанны д'Альбре, убийство Колиньи и резня гугенотов. Мог ли быть прочен и надежен брачный союз, заключенный при такой страшной обстановке? Генрих и Маргарита шли к алтарю скрепя сердце, с обоюдным отвращением, чтобы не сказать ненавистью.

Говорят, будто несходство характеров – главный источник супружеских раздоров... неправда! В короле Наваррском и его супруге видим совершенно противное; редко можно было найти людей, у которых в характере было бы так много родственного сходства; как в нем, так и в ней одни и те же достоинства и пороки одни и те же. Он был влюбчив – она тоже; Генрих за женскую ласку готов был отдать честь, жизнь, весь мир – и Маргарита не задумывалась над принесением этих же самых жертв своим многочисленным любовникам. Шалости и волокитство не приметно довели мужа и жену до распутства, распутство доводило их и до преступлений... Новейшие проповедники женской эмансипации, быть может, сочтут наши слова лицемерием, но, по крайней мере нашему разумению, порок, терпимый в мужчине, отвратителен в женщине: подвыпивший мужчина никогда не возбудит того омерзения, которое внушает нам пьяная женщина. То же самое и во всяком пороке. Генрих, молодой страстный беарнец, воспитанный матерью в страхе Божиим, не мог устоять от искушения французского двора Карла IX и Генриха III; мы его не извиняем, только оправдываем... Знаменитая королева Марго не заслуживает ни извинений, ни оправданий. Достоянная дочь Екатерины Медичи, она родилась развратной, всосала с молоком матери неутолимое сладострастие, выросла в атмосфере, пропитанной пороком. Двенадцати лет она впервые вкусила

заветный плод любви чувственной, и с этого возраста ревностно служила Венере, своему единственному божеству. Антраг, Шаррен (или Шарри) хвалились победою над пламенным сердцем Маргариты-отроковицы, но эту честь могли оспорить у них братья Марго: Карл IX, Генрих III, Франциск, герцог Алансонский и, кроме братьев, герцог Генрих Гиз Порубленный, друг детства Маргариты, ее бесменный сверстник в играх и забавах. Маргарита любила его до самой роковой катастрофы в Блуа, которую, как мы уже говорили, безуспешно пыталась отклонить, предупреждая Гиза об угрожавшей опасности. Немедленно по выходе Маргариты за Генриха Наваррского Гиз возобновил с нею прерванную связь, смеясь и издеваясь над простоватым бе-арнцем, который со своей стороны умел кстати зажмуриться или глядеть сквозь пальцы на проделки жены. Если римский Брут прикидывался сумасшедшим, почему Генриху Наваррскому было не прикидываться простаком, повесой, добродушно махнувшим рукою на все и на вся и думавшим единственно об игре в лапту, об охоте и любовных приключениях?

Навлекая на себя этой странной тактикой негодование гугенотов и презрение католиков, он спасал себе жизнь и вместе с тем тихонько прокрадывался к королевской короне. Раболепствуя перед Екатериной, потворствуя преступным шалостям своей жены, лавируя между Сциллой и Харибдой, Генрих особенно подружился с самым ничтожным из всех своих трех шуринов, Франциском Алансонским. Шурин, зять и сестрица составили самый согласный триумвират, на который, однако же, обратила внимание Екатерина Медичи, предугадывая в нем опасность, гибельную ее намерениям. Верная завету Макиавелли: вселяй раздор, и властвуй (*divide et impera*), – флорентинка поручила своей фрейлине госпоже де Сов и любимцу Генриха III дю Гасту (*du Guast*) во что бы то ни стало разладить мужа с женою и шурином. Все фрейлины двора королевы-матери, как мы уже говорили, душою и телом служили ее видам и замыслам, но госпожа де Сов любила искусство для искусства

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«L'amour est une passion a laquelle toutes les autres doivent obeissance». Слова Генриха IV в письме к елизавете Английской от 26 октября 1596 года.

2

Первая песня – знаменитый марш времен первой империи; другая рапсодия – отпевавшей свою песенку второй.

3

См. *Journal de l'Étoile: mai—septembre 1590. Du Laure. Histoire de Paris. Tome V*, p. 78-104 (edition de 1823).

4

В его имени (Henri de Bourbon – Г е н р и х Б у р б о н), как на русском, так и на французском языках—14 букв; он родился 13 декабря 1553 года (12-й месяц года, число: $1+3=4$; год: $1+5+5+3=14$). Первая его жена (М а р г а р и т а В а л у а) родилась 14 мая 1552 года. Варфоломеевская ночь с 23 на 24 августа 1572 года. (Это число делится на 4 без остатка.) Битва при Иври происходила 14 марта 1590 года. В именах: *J a s q u e s C l e m e n t* (убийца Генриха III), *M a r i e d e M e d i c i s* – по 14 букв. Г а б р и э л ь д 'Э с т р е умерла 8 апреля 1599 года: число 8 делится без остатка на 4, а сумма цифр всего года = 24. Брак Генриха с Марией Медичи – в 1600 году ($40 \times 40=1600$). Генрих был убит 14 мая 1610 года

(1+6+1=8).

Купить: https://tellnovel.com/ru/birkin_kondratiy/genrih-iv

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)